

УДК 903.2

В.Д. Кубарев*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: vd@online.nsk.su*

ДРЕВНИЕ ЗЕРКАЛА АЛТАЯ

Введение

Бронзовые зеркала, происходящие из курганов древних кочевников Центральной Азии, еще недостаточно изучены по сравнению с другими категориями археологических находок. Они неоднократно описывались и публиковались как в статьях, так и в контексте больших обобщающих работ. Однако авторы мало уделяли внимания анализу художественно-стилистических особенностей рисунков, нередко выгравированных на оборотной стороне дисков зеркал. В семантическом плане интересно и оформление ручек многих зеркал в зооморфном стиле. Одной из причин невнимания исследователей к этим находкам как к полноценному источнику по древнему искусству, надо полагать, является большое число маловыразительных зеркал с короткими петлевидными или дужковидными ручками и гладкими дисками. В то же время не исключено, что на многих зеркалах кочевников, находящихся в фондах и музейных хранилищах, возможно, также имеются гравюры, которые пока еще не выявлены. Такое суждение основано на давней традиции археологов хранить и даже экспонировать металлические раритеты нереставрированными, т.е. покрытыми окислами бронзы. К примеру, только благодаря реставрации в алтайской коллекции удалось обнаружить целую серию зеркал с тончайшими гравировками. Расшифровка рисунков и элементов декора дает дополнительную информацию по астральному культу, магии и мифологии. В отдельных случаях рисунки даже позволяют уточнить время изготовления зеркала и сооружения погребального комплекса, в котором оно было найдено.

Зеркала с гравировками на оборотной стороне встречаются в курганах древних кочевников достаточно редко, и их сводная публикация, несомненно, актуальна для сибирской археологии.

Распространение, типология и хронология

Зеркала – самая многочисленная категория ритуальных предметов, найденных в курганах древних кочевников Алтая. Только коллекция из погребений в Чуйской котловине, исследованных автором, насчитывает более 100 экз. Их классификация позволила выделить восемь основных типов зеркал [Кубарев, 1987а, с. 90 – 91, рис. 34]. Зеркала типов 2 и 3, получившие в литературе название “медальевидные”, наиболее многочисленны и чрезвычайно широко распространены в памятниках Центральной Азии. Их находят в погребальных комплексах V – II вв. до н.э. в Забайкалье, Монголии, Ордосе и Казахстане [Руденко, 1962; Максимова, 1976; Kubarev, 1996]. Учитывая столь большое число таких находок в указанных регионах, есть все основания предполагать местное, центральноазиатское происхождение “медальевидных” зеркал. В III – I вв. до н.э. – период интенсивных культурных контактов населения Саяно-Алтая – они попадают к тагарским племенам и древним кочевникам соседней Тувы [Мартынов, 1979, табл. 16; Вадецкая, 1986, с. 52; Курочкин, 1988, рис. 15, 11, 12; Мандельштам, 1992, табл. 76, 12, 19, 29]. В свою очередь, тонкие зеркала-бляшки с небольшой дугообразной петлей в центре диска (тип 7 по нашей классификации), найденные в курганах Юстыда и Уландрыка, появились на Алтае и в Туве, вероятно, благодаря тагарцам. Именно такие “дужковые” зеркала наиболее характерны для тагарской культуры Минусинской котловины, где их обнаружено более 300 экз. [Киселев, 1951, с. 229; Мартынов, 1979, табл. 15; и др.]. Они бытовали на всем протяжении тагарской культуры и в переходное тагарско-таштыкское время (V – I вв. до н.э.). Подобные “дужковые” зеркала впервые найдены на Алтае [Кубарев, 1987а, рис. 34, 10; 1991, рис. 25, 16; 1992, рис. 36, 16], если не учитывать близ-

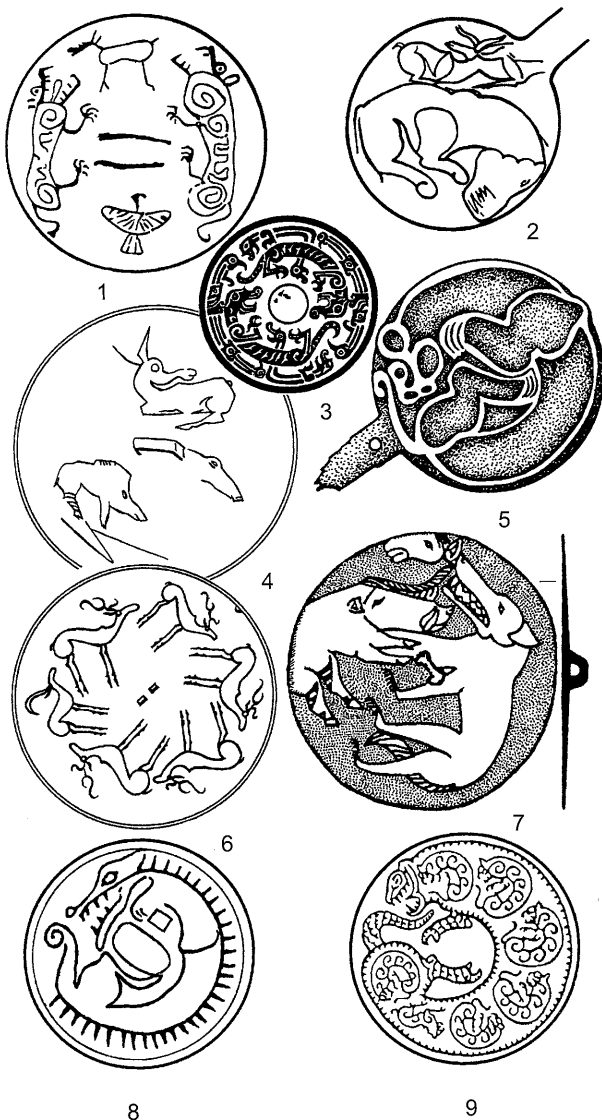


Рис. 1. Зеркала раннескифского времени.
1, 3 – Шаньцуньлинь (Китай); 2 – Уйгарак (Казахстан); 4 – Жиланды (Казахстан); 5 – Измайловка (Восточный Казахстан); 6 – Алтай (из коллекции П.К. Фролова); 7 – Тува (по: [Bokovenko, 1994]); 8, 9 – Синьцзян (по: [Комиссаров, 2000; Варёнов, 2000]).

кие по конструкции, но более массивные и древние (VIII – VI вв. до н.э.) зеркала с “бортиком” из раннескифских курганов (рис. 1, 1, 3, 4, 6, 8) или еще более архаичные зеркала андроновской культуры [Грязнов, 1947, 1956].

Все центральноазиатские зеркала, в том числе и алтайские, могут быть подразделены по размерам на три основные группы: 1) крупные (диаметр 7 – 12 см), 2) уменьшенные (4,5 – 6); 3) миниатюрные (2,5 – 4 см). Наиболее архаичные крупные зеркала (см. рис. 1) датируются VIII – VI вв. до н.э., уменьшенные (рис. 2 – 9), которые преобладают в количественном отношении, – V – III вв. до н.э., а миниатюрные зеркала –



Рис. 2. Зеркало из погребения на р. Юстыд. Алтай.

подвески самые поздние (II – I вв. до н.э.). Два редких зеркала (рис. 10), найденные на Алтае, относятся к позднему средневековью и этнографическому времени.

Гравировки обнаружены на оборотной стороне дисков зеркал типа 1 и 2. В меньшем числе они зафиксированы на зеркалах с “бортиком” и ручкой в виде петли в центре диска (см. рис. 1, 1, 3, 4, 6 – 9). Чаще всего гравюры встречаются на “медалевидных” зеркалах с короткими боковыми ручками (см. рис. 3, 1 – 4, 6; 4, 3, 6, 8; 7, 1, 6; 9, 3, 4), нередко оформленными в виде фигурок зверей или голов животных, как зверей, так и птиц (см. рис. 4, 4; 5; 6; 7, 2 – 5; 8). Другие зеркала также имели боковые ручки, судя по их сохранившимся фрагментам и неровным следам излома с одной стороны диска (см. рис. 2; 3, 5; 4, 5, 7; 9, 2, 5). Зеркала с длинными ручками (см. рис. 1, 2, 5; 11) найдены в памятниках, расположенных к западу от Алтая. Большая часть их – импортные изделия. Выявленная закономерность (гравировки на раннескифских зеркалах с “бортиком” и зеркалах с боковой ручкой) позволяет сузить время бытования анализируемых зеркал и облегчает сравнительный анализ рисунков на них.

Сюжеты и образы рисунков на зеркалах

В различных публикациях, посвященных зеркалам, они рассматриваются исследователями либо вверх, либо вниз ручкой. В результате неизбежно возникают разночтения в трактовке изображений на оборотной стороне диска, а в отдельных случаях это приво-



Рис. 3. Зеркала пазырыкской и саглынской культур Алтая и Тувы.
1 – Боротал; 2, 3 – Юстыд; 4, 6 – Мажалык-Ховузу; 5 – Саглы-Бажи.

дит к ложным выводам. К примеру, на зеркалах из Улангома (Монголия), по мнению Д. Навана, “фигурки изображены вверх ногами. Может быть, это означает, что животные уже мертвы, а может, это знак смерти носителя зеркала” [1978, с. 121]. Автор не пришел бы к подобному заключению, если бы рассматривал рисунок на зеркале, повернув его ручкой вниз, т.е. в единственно правильном, функционально оправданном, положении. Поэтому нужно согласиться с предложением Т.М. Кузнецовой: “Следует условиться описывать зеркало, располагая его ручкой вниз так, как оно изображено в руках женского божества на золотых бляшках из скифских курганов Куль-Оба, Чертомлык, Огуз, Носаки и др.” [1987, с. 23].

В алтайской серии находок из курганов древних кочевников выделяется зеркало из погребения на р. Юстыд (см. рис. 2). На его оборотной стороне имеется изображение хищника семейства кошачьих. В целом рисунок уже носит орнаментальный характер: в многочисленных завитках, вероятно, изображающих шерсть, с большим трудом можно рассмотреть предельно стилизованную фигуру свернувшегося в кольцо зверя. Голова и зад его почти соприкасаются, передние и задние лапы с “мягкими подушечками” прижаты друг к другу. Между брюхом и задней лапой зверя удачно вписана гравированная головка какого-то травоядного животного (косуля или олень?). Совершенно такая же по стилю миниатюрная головка

еще одного животного изображена перед оскаленной пастью хищника. И наконец, очертания головы третьего животного, напоминающего кабана (?), образуют линии бедра и задней ноги. Возможно, туловище и ноги этой последней фигуры переходили на ручку зеркала, которая не сохранилась. При внимательном рассмотрении рисунка в особенно крупных завитках различаются несколько крыльев, симметрично расположенных на теле хищника. В том, что это крылья, а не элементы орнамента, убеждает их форма и параллельная штриховка внутри контура. Точно так же оформлены крылья на птицевидных золотых бляшках, на реалистических деревянных фигурках орлов и лебедей, украшавших головные уборы древних кочевников из курганов Юстыда и Уландрыка. Крылья подобной формы показаны также на изображениях фантастических хищников из Пазырыка [Руденко, 1953, рис. 55; 72, а; 125 и т.д.; 1960, рис. 148]. Такое же, загибающееся концом вперед, крыло S-видной формы у крылатых фигурок зверей на известном семиреченском алтаре [Акишев, 1978, рис. 77]. Сходство с алтайской манерой исполнения крыла (у птиц и крылатых хищников) обнаруживается в изображениях золотых крыльев, “вырастающих” из спин фигур барсов (тигров?), которые украшали сакральный головной убор иссыкского вождя [Там же, рис. 3, 4]. Но самыми близкими аналогами изображения хищника на юстыдском зеркале являются деревянные

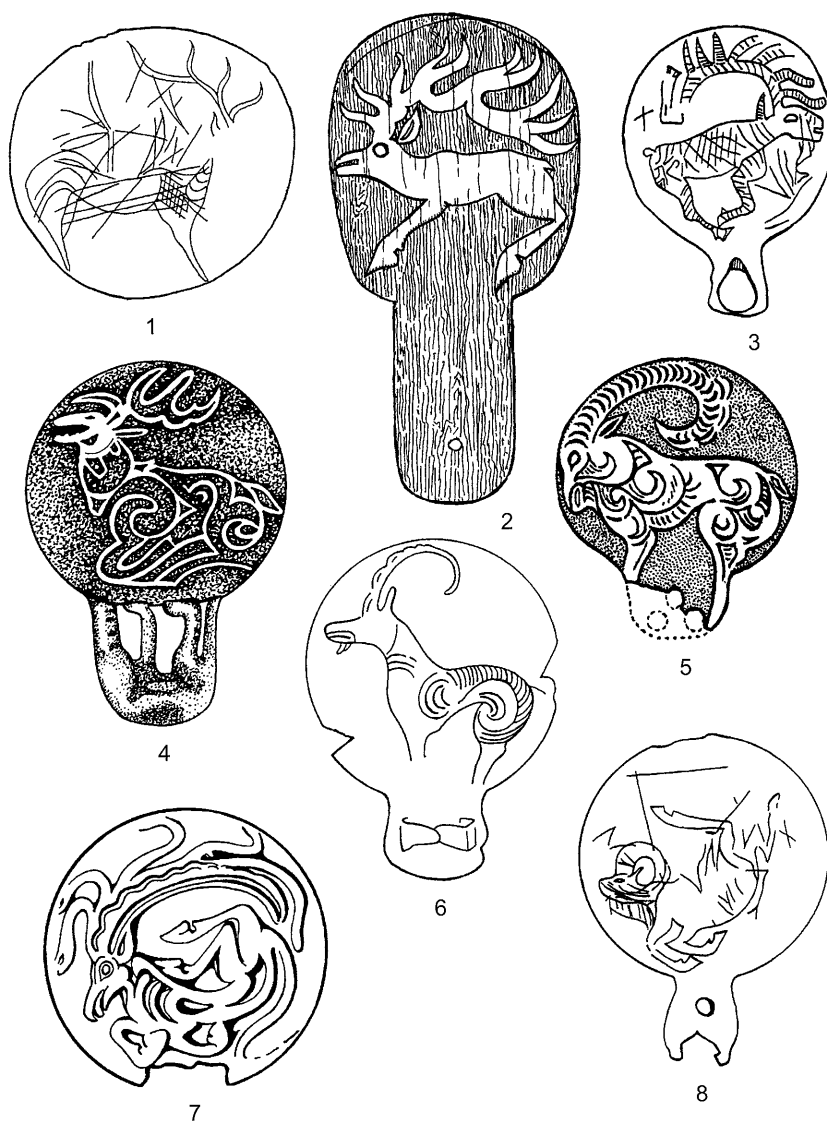


Рис. 4. Зеркала скифского времени из курганов Алтая, Тувы, Монголии и Северного Китая.

1 – Боротал; 2 – Ак-Алаха; 3, 8 – Улангом; 4 – Ордос; 5, 6 – Аймырлыг; 7 – Мажалык-Ховузу.

фигурки крылатых барсов из курганов Уландрыка [Кубарев, 1987а, рис. 46, 1, 2]. Таким образом, зверь, выгравированный на юстыдском зеркале, входит в круг идентичных, безусловно, фантастических крылатых хищников, наиболее распространенных в древнеалтайском искусстве. Образ крылатого хищника воспринят древними кочевниками из переднеазиатских источников, судя по изображениям крылатых львов и грифонов из известного Амударьинского клада [Зеймаль, 1979, рис. 23, 26 – 31, 111]. Тогда как мотив свернувшегося в кольцо гибкого зверя, удивительно точно вписанного в диск юстыдского зеркала, навеян более древними местными азиатскими прототипами [Адрианов, 1916, рис. 29; Кубарев, 1979, рис. 26; Грязнов, 1980, рис. 15, 4; Волков, 1981, рис. 6, 7]. Еще одним звеном в цепочке распространения (с вос-

тока на запад) этого древнейшего образа Центральной Азии являются зеркала из Измайловки в Восточном Казахстане (см. рис. 1, 5) [Ермолаева, 1985, с. 510, рис. 1] и Синьцзяна (см. рис. 1, 8, 9) [Комиссаров, 2000, рис. 1, 8; Варёнов, 2000, рис. 2, 10].

На местное происхождение юстыдского зеркала указывает и композиционный прием вписывания различных более мелких фигур животных в свободное пространство вокруг главного персонажа. Он разработан центральноазиатскими мастерами скифской эпохи [Грач, 1980, рис. 1, 1, 2; Мандельштам, 1992, табл. 78, 15 – 17, 32, 33; Кадырбаев, 1966, рис. 62; Кубарев, 1987а, табл. LXII, 12; Bokovenko, 1994, fig. 3, 3]. В стиле “загадочных картинок” (по: [Грач, 1980]) или “зоологических головоломок” (по: [Кадырбаев, 1966]) выполнены и отдельные художественные изделия савроматов [Смирнов, 1976, с. 83, рис. 4, 8]. Приведенные параллели дают основание датировать зеркало из Юстыда не позднее V в. до н.э.

Бронзовые зеркала с гравировками и рельефными изображениями различных животных представлены и в материалах других культур Центральной и Средней Азии. Они найдены в погребениях ранних кочевников Тувы [Грач, 1980, рис. 53; 113, 1 – 3; Мандель-

штам, 1992, табл. 78, 20, 27], Монголии [Novgorodova et al., 1982, Авв. 36, 1; 65, 8], в Ордосе [Киселев, 1951, табл. XXI, 2] и Казахстане [Кадырбаев, 1974, рис. 11; Грязнов, 1947, рис. 4, 11]. Изредка зеркала с гравировками на оборотной стороне встречаются в погребениях Средней Азии [Вишневская, 1973, табл. II, 4; Ягодин, 1978, с. 83] и в Минусинской котловине [Киселев, 1951, табл. XXI, 7; Окладников, 1959, рис. 32, 5; Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. VII, 1]. Покрытые позолотой серебряные и бронзовые зеркала с великолепными гравюрами найдены в степном Алтае [Уманский, Шульга, 1999, рис. 11 – 15]. Зеркала с изображениями тигров и кабанов обнаружены также в погребениях раннего железного века Западной Сибири [Троицкая, Бородовский 1994, рис. 25, 1] и в Поволжье [Корепапов, 1980, рис. 1, 2].

Персонажи, воспроизведенные на зеркалах и ручках, разнообразны. В рассматриваемой небольшой серии это в основном одиночные фигуры диких животных: хищника семейства кошачьих (см. рис. 1, 5), оленя (см. рис. 4, 1 – 4; 6, 2), козла и барана (см. рис. 4, 5 – 8; 6, 3), верблюда (см. рис. 5, 1 – 3, 7), лошади или кулана (см. рис. 5, 4, 9; 6, 1, 4; 9, 5) и кабана (см. рис. 5, 5, 6; 9, 2). В декоре нескольких зеркал отдают предпочтение образу птицы (см. рис. 7, 1, 4, 6; 8, 3, 5). Причем на двух из них изображения предельно стилизованы. Голова, клюв и крылья этих фантастических птиц уже с большим трудом “читаются” в орнаменте, покрывающем обратную сторону зеркала. Любопытно, что на алтайском зеркале глаз птицы (отверстие, просверленное в диске насквозь) инкрустирован золотой вставкой (см. рис. 7, 4). В единственном случае, на ручке зеркала из Тувы запечатлена сцена схватки двух хищников семейства кошачьих (см. рис. 5, 10).

Антропоморфные изображения на зеркалах древних кочевников неизвестны, если не принимать во внимание всего одно схематичное изображение лица на зеркале “скифской богини” (см. рис. 9, 1), запечатленном на известной золотой Сахновской пластине из Причерноморья [Онайко, 1984, рис. 2]. Поэтому интерпретация ручки зеркала из Мажалык-Ховузу (см. рис. 3, 6) как рельефного изображения “головы бородатого мужчины” [Грач, 1980, с. 35] вызывает сомнение. Фигуры двух вооруженных всадников на зеркале из Монголии (см. рис. 9, 3), очевидно, подрисованы позднее (гравировка более тонкая) к изображениям лошадей, выполненным в традиционном скифо-пазырыкском стиле [Эрдэнэбаатар, 1995]. Зеркало из Айдашинской пещеры, на котором есть изображение женщины (см. рис. 9, 4), возможно, привозное, так как эта гравюра не находит аналогий в рисунках на зеркалах древних кочевников, а также в изобразительном искусстве тагарской и кулайской культур Сибири [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 33].

Нетрудно заметить, что сюжетной основой для оформления обратной стороны дисков зеркал послужили главные персонажи скифо-сибирского зверино-

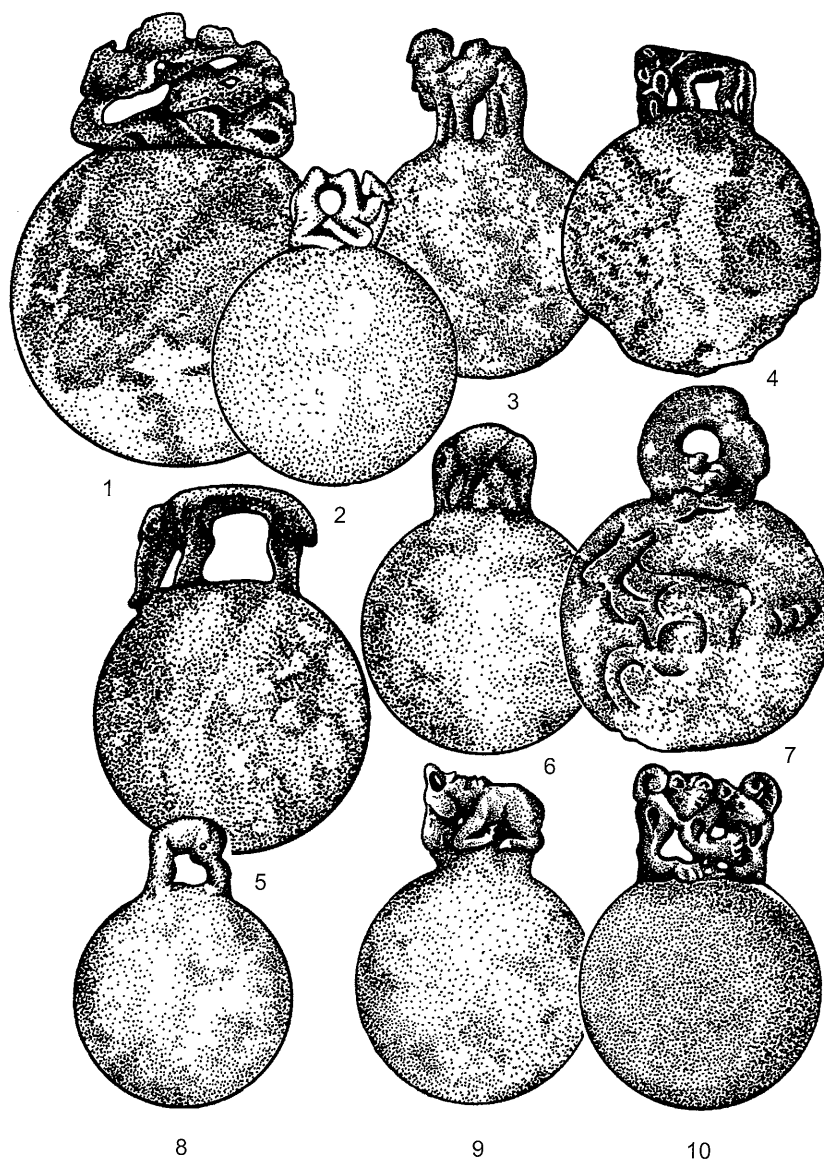


Рис. 5. Зеркала с зооморфными ручками из курганов Алтая и Тувы.
1 – Малталу; 2 – Тыткескень; 3 – Узунтал; 4 – Бике; 5 – Уландрык; 6 – Катунь;
7 – Алферово; 8 – Ала-Гаил; 9 – Аймырлыг; 10 – Саглы-Бажи.

го стиля. Те же образы в основном использованы и для декора ручек ряда центральноазиатских зеркал. Пожалуй, новым является оформление ручек в виде фигурок верблюдов. Но если учесть, что такие зеркала найдены в курганах юго-восточных районов Алтая, граничащих с Тувой и Монголией, то становится понятным появление этого редкого для скифо-сибирского искусства персонажа в декоре алтайских зеркал. Находка с Катунь с изображением лежащего верблюда на ручке зеркала [Степанова, Кирышин, 1989, с. 66] также свидетельствует о заимствовании этого мотива населением Центрального Алтая, где, кстати, уже давно было известно еще одно подобное зеркало (рис. 5, 7). Его ручка также может трактоваться как

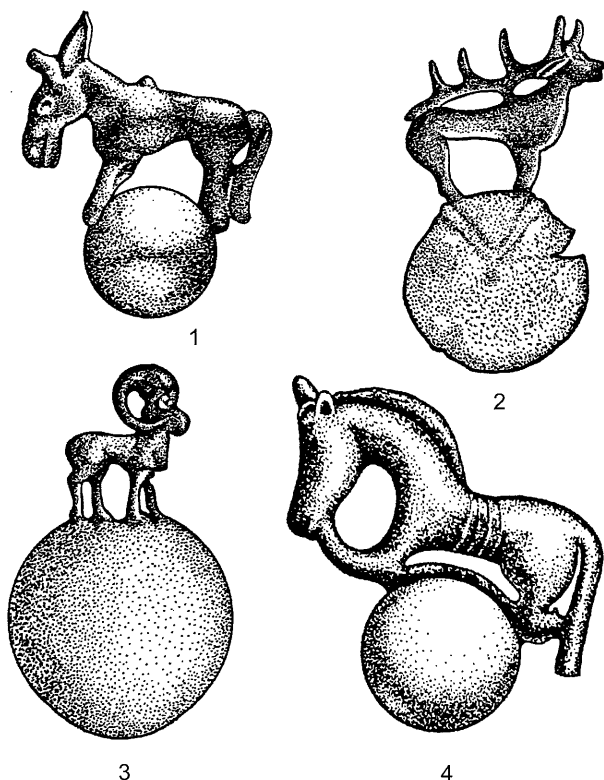


Рис. 6. Зеркала с зооморфными ручками и их имитации.
1, 3, 4 – Восточная Сибирь; 2 – Китай.

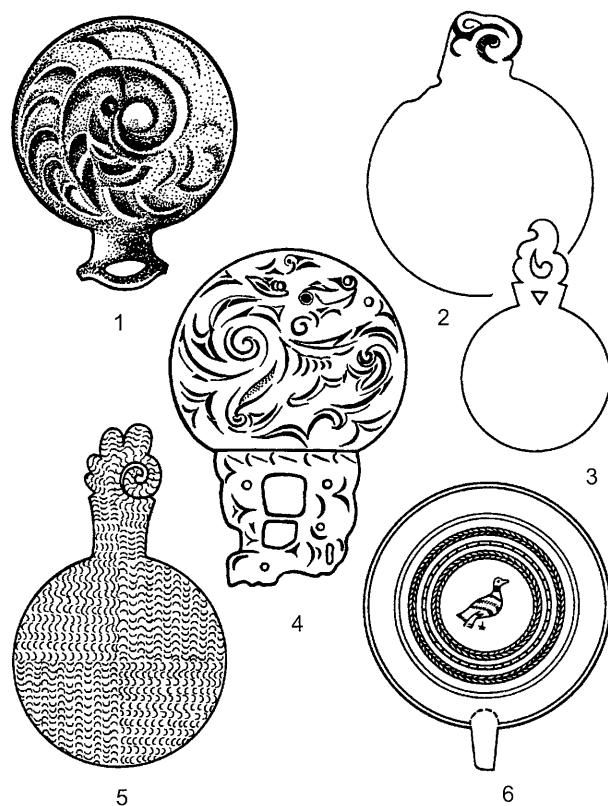


Рис. 7. Зеркала с гравировками и ручками в виде голов птиц из Хакасии, Алтая и Узбекистана.
1 – Минуса; 2 – Медведка; 3 – Юстыл; 4 – Балык-Соок;
5 – Раздумье; 6 – Каскажол.

стилизованное изображение лежащего верблюда с длинной змеевидной шеей и одним горбом. Поза животного, манера его исполнения обнаруживают сходство с фигуркой лежащего верблюда на ручке зеркала (см. рис. 5, 1), найденного в одном из высокогорных курганов Чуйской котловины [Кубарев, 1992, рис. 27, 1].

Следует также обратить внимание на те зеркала, в оформлении ручек которых применялся еще один типичный для скифо-сибирского искусства изобразительный прием, продиктованный древнейшим законом парциальной магии – “частью вместо целого”. Иначе говоря, ручки зеркал отливались только в виде голов птиц и зверей (см. рис. 7, 8). Причем на отдельных экземплярах степень стилизации изображений зашла так далеко, что в прорезных фигурных ручках с трудом можно различить плоскостное профильное изображение головы хищной птицы* (ср. рис. 7, 2 и 7, 3, 5; 8, 3).

* Существует и другое толкование ручек подобных зеркал. В.Е. Ларичев видит в них черты, присущие “змие фантастическому – дракону (грифону)”, находящемуся у корней мирового дерева, “ствол которого – рукоять, а крона – диск зеркала” [1998, с. 274 – 275].

На дисках других зеркал представлены сюжетные сцены, где иконографические схемы в зримой и лаконичной форме, возможно, отражают разного рода фрагменты из космогонических мифов. В них участвуют только хищные звери, фантастические существа и травоядные животные. Сочетание зооморфных мифических образов варьирует: два фантастических хищника, олень и птица (см. рис. 1, 1), хищник семейства кошачьих(?) и олень (см. рис. 1, 2; 3, 1), два “дракона” и шесть птиц (см. рис. 1, 3), два кабана и олень (см. рис. 1, 4), пять оленей и один козел (см. рис. 1, 6), волк, кабан и лошадь (см. рис. 1, 7), хищник семейства кошачьих, косуля, сайга(?) и кабан(?) (см. рис. 2), козел и лошадь(?) (см. рис. 3, 2), фантастический хищник и голова архара (см. рис. 3, 4), фантастический хищник и олень (см. рис. 3, 5), три тигра (см. рис. 11, 1). Разнообразие персонажей и их сочетание в сюжетах, на наш взгляд, позволяют предложить и различную трактовку сцен, запечатленных на зеркалах. Так, на ранних зеркалах хищник и травоядное животное изображены без всякой взаимосвязи, т.е. принцип композиционного построения, повествовательности как таковой отсутствует (см. рис. 1, 1 – 4). На других зеркалах они уже показаны в оппозиции друг к другу, причем головы тра-

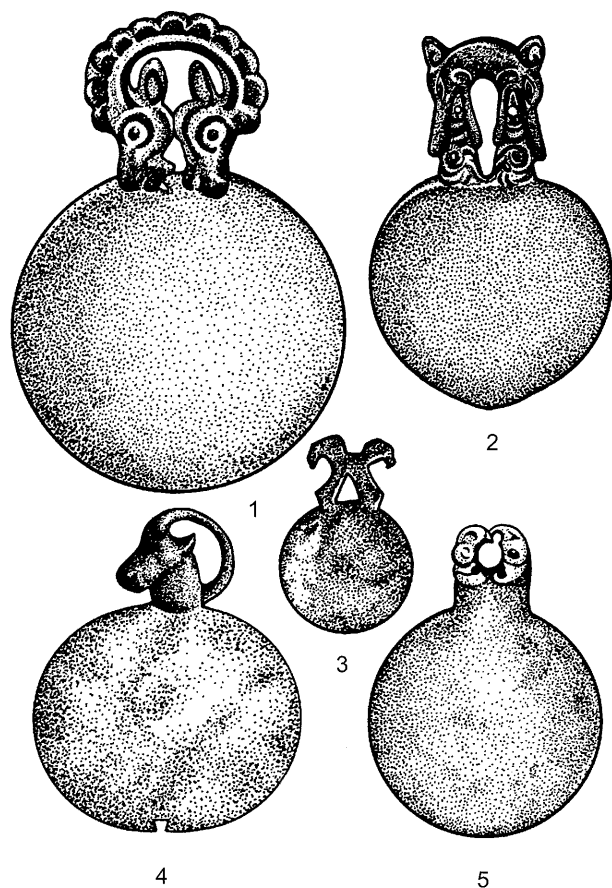


Рис. 8. Зеркала с ручками в виде голов зверей и птиц.
1 – 3 – Минусинская котловина; 4 – Малталу, Алтай;
5 – Улангом, Монголия.

войдных животных вплотную приближены к пасти хищников или изображены зажатými в их лапах (см. рис. 1, 7; 3, 4). Вероятно, таким несложным приемом передан момент терзания, точнее, начало заглатывания хищником или фантастическим существом травоядного животного – сюжет, наиболее известный и вполне традиционный в скифо-сибирском искусстве. Вообще, почти все рисунки на зеркалах находят прямые аналогии в изобразительном искусстве пазырыкской культуры Алтая и других кочевых культур Центральной Азии. Еще А.Д. Грач заметил, что на зеркале из Мажалык-Ховузу изображение фантастического животного выполнено в пазырыкско-саглынской манере (см. рис. 4, 7). По его мнению, “фигура совмещает черты пяти животных – голова грифа, тело копытного (круп вывернут вверх), хвост кошачьего хищника, один рог горного козла, другой маралий (из отростков выползают змеи). Эта фигура имеет ближайшие аналогии среди мотивов татуировки вождя из Второго Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, рис. 181, 182]. Среди находок

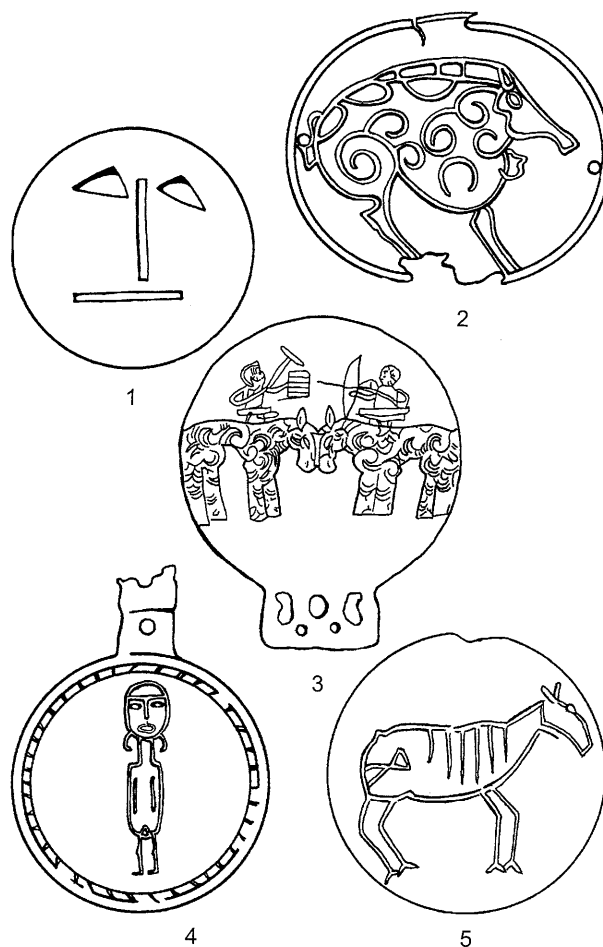


Рис. 9. Зеркала с гравюрами из различных регионов Евразии.
1 – Причерноморье; 2 – Южное Приуралье; 3 – Монголия;
4 – Восточная Сибирь; 5 – Западная Сибирь.

из могильника Мажалык-Ховузу имеется еще одно изображение фантастического зверя с туловищем собаки и ногами лошади (ноги подогнуты), терзающего голову горного барана” [Грач, 1980, с. 79] (см. рис. 3, 4). Последний сюжет явно копирует, хотя и в лаконичной форме, известную композицию, выполненную художественной резьбой на саркофагоколоде из Второго Башадарского кургана [Руденко, 1960, с. 47, рис. 21]. Близки им по стилю и иконографии также сцены, воспроизведенные на бронзовых застёжках из Минусы и Ордоса [Артамонов, 1973, рис. 149, 199].

В тувинской серии еще привлекает внимание зеркало из Саглы-Бажи (см. рис. 3, 5). На нем запечатлен фантастический хищник с головой барса, туловищем и ногами копытного (лошади?). Эта фигура налегает на незаконченное или плохо сохранившееся изображение оленя с S-видными рогами. Такие детали, как характерной формы рога оленя и “грива” хищника, имеющие аналогии в материалах Пазырыка и Уландрыка [Руденко, 1960, рис. 60; Куба-

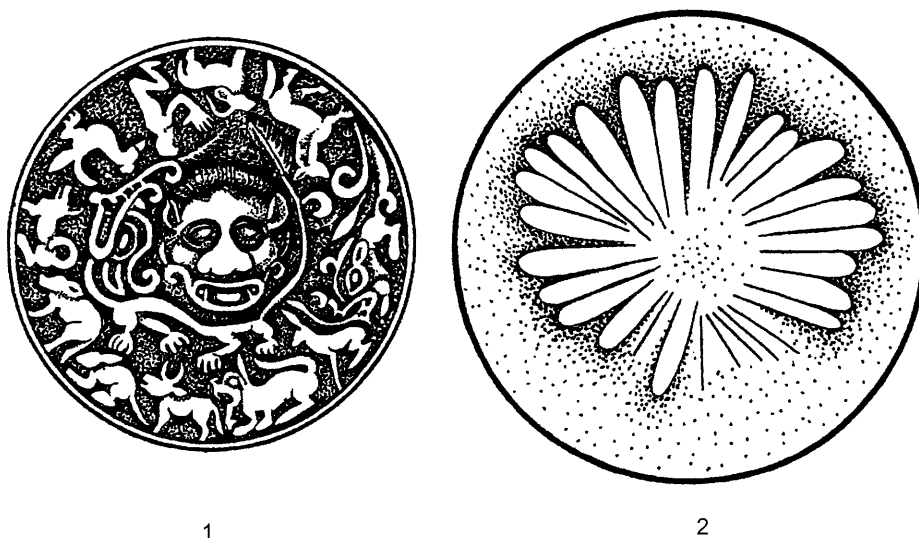


Рис. 10. Зеркала средневекового (1) и этнографического (2) времени, найденные на Алтае.
1 – Онгудай; 2 – Уландрык.

рев, 1987а, рис. 44; табл. XXVII, 9; LXIX, 3], дают основание отнести это зеркало ко времени расцвета алтайского звериного стиля и наивысшего культурного подъема “скифоидных” племен Центральной Азии. Именно в V – III вв. до н.э. в горно-степных областях Центральной Азии повсеместно распространяется еще один символический и канонизированный образ – “космического оленя”. Его изображения, известные ранее только по оленным камням и петроглифам, становятся главным мотивом в комплексе зооморфных украшений головных уборов кочевников. К этому же времени, очевидно, относятся зеркала из Боротала, Ордоса, Улангома и Ак-Алахи (см. рис. 4, 1 – 4), на оборотной стороне дисков которых в типично скифо-пазырыкском стиле воспроизведены одиночные фигуры оленя. Видимо, в прямой семантической связи с изображением оленя находится и оппозиционная фигура хищника (волка?) на ручке зеркала из Ордоса (см. рис. 4, 4).

Находят параллели в пазырыкском искусстве, вплоть до полного тождества отдельных изображений, и другие рисунки на дисках центральноазиатских зеркал. Так, безупречно пропорциональные и необычайно реалистические фигуры сибирского козерога на зеркалах из Аймырлыга в Туве (см. рис. 4, 5, 6) близки по стилю изображениям на поясных бляхах из Пазырыка [Руденко, 1953, табл. XXVII, 2] и деревянным скульптуркам синкретических баранов с золотыми козлиными рогами из курганов Уландрыка [Кубарев, 1987а, рис. 44]. А эскизная фигура архара на улангомском зеркале (см. рис. 4, 8) повторяет во всех деталях иконографию рисунка на правой руке мумии вождя из Второго Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, рис. 174].

Происхождение и назначение азиатских зеркал

Среди рассматриваемых в статье зеркал особняком стоит находка из Новосибирского Приобья (см. рис. 11, 1). Конструкция и форма, а также изображения тигров на оборотной стороне диска, как предполагается, восходят к иранским или среднеазиатским образцам, однако не исключается и культурная связь зеркала и рисунков на нем с сакским миром [Троицкая, Бородовский 1994, с. 96, рис. 25, 1]. Действительно, реалистическим изображениям тигров вроде бы нет прямых параллелей в скифо-сибирском зверином стиле, если опять же не учитывать приведенную авторами в качестве аналога одну из фигур тигров, вырезанных на погребальной колоде из Башадара [Там же, рис. 25, 2]. Но геометрическая фигура в виде шестиугольника, заключенного в две concentрические окружности (символ солнца?), выгравированная в центре зеркала из Быстровки, сопоставима с “шестилепестковыми розетками” в центре диска многих сарматских зеркал (см. рис. 11, 2) [Смирнов, 1984, рис. 42, 6; 50, 1, и т.д.]. Да и форма, конструкция этого зеркала может считаться сарматской, т.е. и оно изготовлено где-то в Приуралье. Наверное, прототипом для него послужили импортные зеркала, подобные уникальным образцам ювелирного мастерства, найденным в курганах Алтая (см. рис. 11, 3, 4) [Уманский, Шульга, 1999, рис. 11 – 15; Руденко, 1953, рис. 84] и в погребении Мечетсайского кургана (см. рис. 11, 5) [Смирнов, 1975, рис. 57]. Их конструкция (два склепанных позолоченных снаружи серебряных или бронзовых диска), размеры (диаметр 14 – 15 см), сюжеты и художественное оформление совершенно

иные, чем зеркала древних кочевников. Поэтому сравнительный анализ этих образцов не даст никаких результатов. Вместе с тем имеются все основания для предположения, что и рисунки на савроматских зеркалах – традиция, заимствованная носителями ананьинской культуры у населения восточных и южных районов Центральной Азии. В пользу этого свидетельствуют такие находки, как зеркало с гравированным изображением архара из Орского могильника в Оренбургской области [Смирнов, 1977, рис. 11, 1] и зеркало с фигурой кабана на диске с Селитренного городища (см. рис. 9, 2), поза кабана характерна для изображений этих животных в наскальном искусстве и в других изобразительных памятниках Центральной Азии (сводную табл. см.: [Самашев, 1992, рис. 173]). По мнению К.И. Корепанова, в оформлении фигур животных на зеркалах из Поволжья прослеживается восточное (алтайское) влияние, проявляющееся в украшении их тел спиралями [1980, с. 286].

Итак, можно сделать вывод, что рассмотренные зеркала из разных регионов Центральной и Средней Азии, отличаясь локальным своеобразием, объединяются не столько техникой изготовления и стилистическими особенностями, сколько общим магическим значением гравированных рисунков, еще более усиливающих охранительные функции зеркал. Они разительно отличаются от большой коллекции зеркал Минусинской котловины. Насколько известно, значительную ее часть составляют китайские привозные изделия, самые ранние из которых датируются IV – III вв. до н.э. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 7]. Это время, очевидно, является верхней хронологической границей бытования центральноазиатских зеркал с гравировками, тогда как нижняя приходится на VIII – VII вв. до н.э. Возникает вопрос: появились ли подобные зеркала в Китае в подражание южносибирским образцам или развивались независимо от них? На первый взгляд ответ должен быть однозначным, судя по большой архаичности сибирских зеркал. Однако к настоящей-

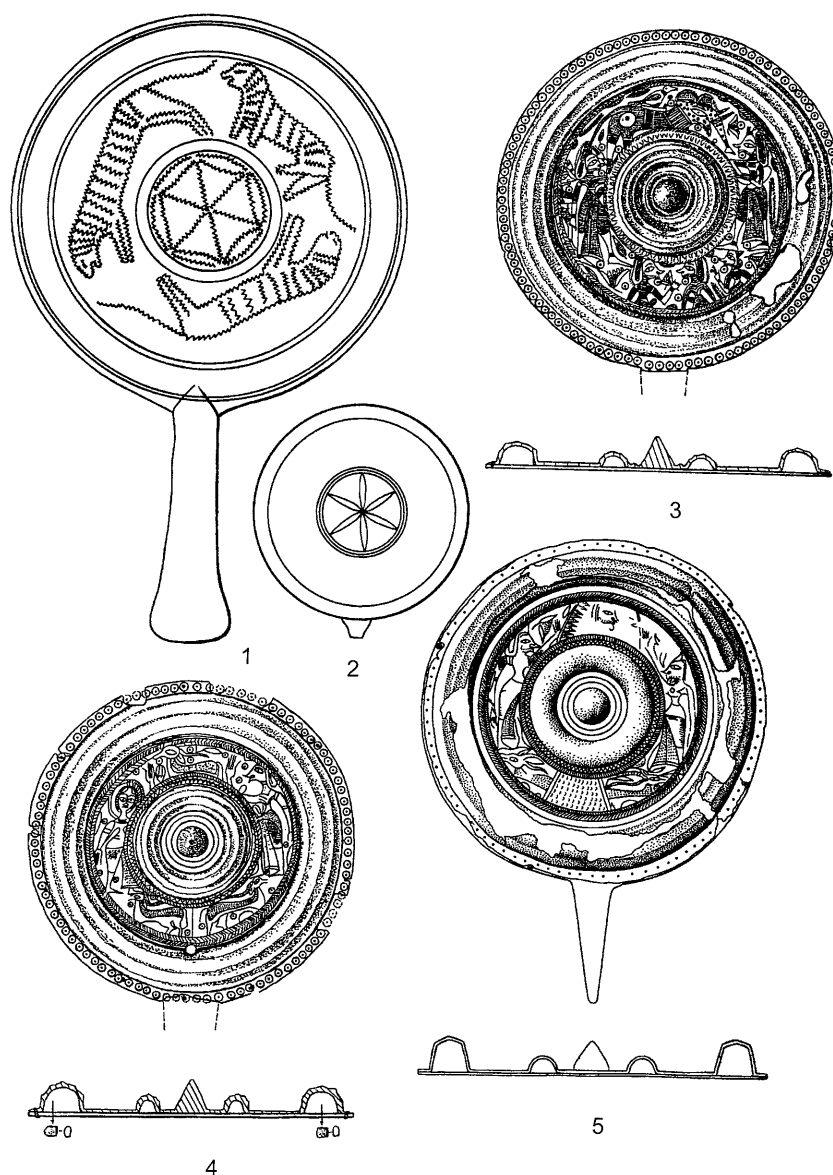


Рис. 11. Зеркала савромато-сарматского типа из различных регионов Азии. 1 – Быстровка (Новосибирское Приобье); 2 – пос. Фрунзе (Северное Причерноморье); 3 – Рогозиха, 4 – Локоть (степной Алтай); 5 – Мечетсай (Южное Приуралье).

му времени на территории КНР обнаружено не менее 60 зеркал, типологически близких южносибирским и относимых к эпохам Инь, Западное Чжоу и Чуньцю, причем самые древнейшие датируются XIII – XI вв. до н.э. [Варёнов, 1985, с. 164; Комиссаров, 2000, с. 456]. Среди них есть экземпляры с гравировками (см. рис. 1, 1, 3, 8, 9), идентичными по содержанию отдельным сценам на центральноазиатских зеркалах и оленных камнях, а также изделия с ручками, выполненными в зооморфном стиле (см. рис. 4, 4; рис. 6, 2). Тем не менее китайские зеркала не продукт собственного производства. К такому выводу приводят результаты исследования состава металла самых древних из них, а также анализ изобразительных

сюжетов, наиболее характерных для позднебронзовой культуры Монголии, к которой относятся оленные камни [Варёнов, 1985, рис. 3, 1, 2]. Таким образом, речь идет о еще более ранних заимствованиях древних китайцев из сибирских источников. “Зеркало для них, по-видимому, не имело никакого сакрального значения, тогда как, например, в Сибири зеркала были широко распространенным предметом культа уже в карасукской культуре, синхронной Инь” [Там же, с. 168]. Заметим, что бронзовые зеркала, столь обычные для Северной Азии в карасукское время [Киселев, 1951, табл. XII, 23; Маргулан, 1979, рис. 90, 2; Вадецкая, 1986, с. 56, табл. V, 11; и др.], восходят, вероятно, еще к андроновской эпохе [Грязнов, 1956, табл. III, 3]. Ритуальное назначение зеркал проявляется также в многочисленных изображениях их на оленных камнях Монголии [Волков, 1981, с. 137, 177, 199; и др.]. Не случайно округлые углубления, имитирующие зеркала, помещаются на изображении щита, а чаще всего рядом с изображением оружия: лука, стрел и кинжала. Они, наверное, по представлениям древних, должны были магически действовать на предметы, усиливать их эффективность. Эти древнейшие представления нашли свое прямое отражение и в погребальной обрядности носителей пазырыкской культуры Алтая. В курганах Чуйской котловины оружие нередко находилось в одной связке с зеркалом и кожаной сумочкой, содержащей различные амулеты: гребень, клыки зверей, раковины каури, человеческие зубы и т.п. [Кубарев, 1981, с. 4, рис. 7, 2].

Древние кочевники Алтая носили зеркала на поясе, ручкой вверх, в войлочных или кожаных сумочках-футлярах, часто орнаментированных с лицевой стороны разноцветными аппликациями. Зафиксировано несколько случаев, когда зеркала были вложены в руку погребенного. В курганах Уландрыка и Юстыда металлические зеркала – культовая и магическая принадлежность не только женских, но и мужских погребений. Встречаются они и в детских захоронениях. Вместе с тем в некоторых курганах Юстыда с непотревоженными парными погребениями зеркал нет. Их, вероятно, заменяли деревянные имитации, не сохранившиеся до наших дней. Об этом, в частности, свидетельствуют единственная в Юстыде (раскопано 44 кургана) такая модель и хорошо сохранившиеся деревянные имитации зеркал из Уландрыка и Барбургазы [Кубарев, 1987а, рис. 34, 1 – 4; 1992, рис. 27, 17].

Судя по локализации зеркал в погребениях, более крупные экземпляры чаще принадлежали женщинам, уменьшенные – мужчинам и детям. В отдельных, как правило, парных одноактных погребениях кочевников Алтая зеркала идентичные, отлитые в одной форме. Подобный факт подтверждает наш вывод о мест-

ном изготовлении большинства алтайских “медалевидных” зеркал. Они отливались маленькими сериями (по 2 – 3 экз.) специально для погребального обряда. Такие зеркала, как и бронзовые модели оружия, даже не обрабатывались после отливки. На них сохранились следы от форм; швы и неровности не зачищались. По крайней мере более одной трети алтайских зеркал не использовались их владельцами при жизни, а были изготовлены для погребального обряда. То же назначение имели и деревянные модели зеркал, пока известные только в курганах пазырыкской культуры.

Большое число бронзовых и деревянных имитаций зеркал в погребениях кочевников объясняется тем, что в конце I тыс. до н.э. на Саяно-Алтае широко распространился обычай помещать в могилы заместители настоящих предметов. Возможно, это связано и с большой редкостью металлических зеркал импортного происхождения, которые очень высоко ценились древними кочевниками во все времена [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 5]. Они передавались из поколения в поколение, продолжая жить в отдельных случаях целые столетия. И только сильно изношенные и поврежденные зеркала погребались вместе с их владельцами. Именно такие зеркала или их обломки составляют другую часть алтайской коллекции. У них обломаны ручки, в дисках проделаны отверстия для крепления к поясу. На многих экземплярах заметны следы неоднократного ремонта. Среди них привлекают внимание несколько фрагментов зеркал. Как правило, они имеют треугольную форму и представляют собой 1/3 или 1/4 часть изделия. Визуальное изучение краев этих обломков показывает, что зеркала были преднамеренно разломаны перед погребением. Крупные фрагменты зеркал, также имеющие треугольную форму, известны и в других алтайских погребениях пазырыкской культуры [Руденко, 1953, рис. 85; Савинов, 1978, рис. 1, 14; Кубарев, 1987а, табл. XXXIV, 6].

Зеркала как источник по магии, мифологии и верованиям

Культовая и магическая роль зеркала у многих народов Евразии общеизвестна. Но если у скифов и савроматов его назначение было двойным – как предмета женского туалета и атрибута магического ритуала, то кочевники Центральной Азии, очевидно, приписывали зеркалам чудодейственные свойства и использовали их уже в качестве амулетов или оберегов. С зеркалами на груди или на поясе шли в бой тагарские и пазырыкские воины [Мартынов, 1979, рис. 32]. Возможно, по их представлениям, в зеркале заключалась душа человека, и оно имело волшебную способность предсказывать прошлое и будущее. Скифы считали зеркало атрибутом божественной власти

и источником магических сил [Хазанов, 1964, с. 93]. У савроматов оно было ритуальным атрибутом жриц, и прежде чем положить зеркало в могилу, его ломали [Смирнов, 1964, с. 152], нередко помещали в огонь [Высотская, 1976, с. 69]. Может быть, это делалось с целью высвободить душу умершего или устранить магическую силу зеркала? То же назначение, очевидно, имели и преднамеренно разбитые зеркала из отдельных алтайских погребений в курганах Юстыда и Уландрыка. Они также свидетельствуют об общем круге магических представлений у кочевников Центральной и Средней Азии. Зеркала ломали намеренно, по мнению А.В. Маракуева, “на память друг о друге при разлуке родственников, любовников и супругов или чтобы удостоверить личность секретного посланца, который прикладывал данный ему в дорогу фрагмент зеркала к части, имевшейся у адресата” [1947, с. 171]. Более конкретно трактует назначение сломанного зеркала в могиле Б.А. Литвинский, считающий, что другая его половина или даже несколько частей оставались у живых родственников или супруга, “дабы после смерти он мог найти в загробном мире близкого человека” [1978, с. 107].

Магические свойства зеркала, его ценность не терялись, даже когда оно по воле случая оказывалось полностью разбитым на мелкие кусочки. Небольшие части таких зеркал с проделанными отверстиями продолжали служить самостоятельными амулетами*. Несколько таких фрагментов с обточенными краями, включая и петельки отдельных зеркал, входили в одну связку украшений, найденных в кургане № 17 алтайского комплекса Юстыд XII. Аналогичным образом использовались обломки зеркал и у других народов Евразии [Левашова, 1947, с. 48; Смирнов, 1975, с. 167; Литвинский, 1978, с. 109; Дьяконова, 1970, с. 195]. Вспомним и сохранившееся у многих народов до наших дней поверье, согласно которому разбитое зеркало предвещает несчастье, а может быть, и смерть близких людей. Доживший до современности обычай накрывать зеркало покрывалом после смерти человека, наверное, объясняет, почему зеркала, найденные в алтайских курганах, оказались наглухо зашитыми в войлочных сумочках. В них, по представлениям кочевников, могло появиться лицо, дух-душа умершего человека и поэтому необходимо было обезвредить таким простым способом волшебное свойство зеркала отражать потусторонний мир и его обитателей.

* Для оригинальной модели зеркала из погребения на Ак-Алахе [Полосьмак, 2000, рис. 81 – 83], на наш взгляд, был использован крупный обломок настоящего зеркала. Аналогичная по конструкции и назначению бронзовая имитация зеркала, вставленная в деревянную оправу, найдена в одном из курганов Боротала [Могильников, Суразаков, 1980, рис. 5].

В зеркале многие исследователи видят символ солнца и света [Хазанов, 1964, с. 89; Мартынов, 1979, с. 135; и др.], плодородия и связанного с ним женского божества [Хазанов, 1964, с. 93; Онайко, 1984, с. 24]. Другие ученые связывают зеркало с астрономическими объектами, считая, что оно могло выполнять функции солнечного календаря [Марсадалов, 1982, с. 30 – 33; Ларичев, 1998, с. 270 – 275]. В декоре оборотной стороны зеркала усматривают также сюжеты, заимствованные из различных мифов и преданий [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 21; Сарианиди, 1981, с. 291; и др.].

Разнообразие взглядов, очевидно, вызвано полисемантической древних и современных представлений о магических функциях зеркала. Оно также связано с многообразием сюжетных сцен, изображенных на зеркалах, среди которых пока трудно вычленивать тематические композиции. Но даже при первом взгляде на сюжеты алтайских зеркал нетрудно заметить, что в них среди различных зооморфных персонажей главное место занимают образы хищника семейства кошачьих или синкретического и копытных травоядных животных. На отдельных зеркалах они мирно соседствуют, на других хищник изображен убивающим, пожирающим, а травоядное – агонизирующим, умирающим (ср. рис. 1, 1, 2 и 1, 7; 3, 4). Часто сцены терзания переданы весьма условно: фигура хищника перекрывает собою изображение копытного. Например, такой прием мы видим на зеркале из Боротала (см. рис. 3, 1) или в идентичной сцене на зеркале из Тувы (см. рис. 3, 5). Так же условно показана сцена терзания и на юстыдском зеркале (см. рис. 2). Эти сцены при всей лаконичности и скупости художественных приемов, несомненно, имеют повествовательный характер и преимущественно мифологическое содержание. Вероятно, в них запечатлен самый яркий, кульминационный момент и узнаваемый фрагмент евразийского мифа “о космической погоне”. С такой трактовкой согласуются сведения в некоторых источниках северного буддизма о затмениях солнца и луны, которые связываются с легендой о чудовище-драконе Раху (Араха), глотающем небесные светила [Неклюдов, 1992, с. 372 – 373]. Затмения луны очень боялись как алтайцы, так и тувинцы. “Алтайцы объясняли его поеданием луны Джельбегенем, мифическим персонажем, представляемым иногда в виде многоголового зверя” [Дьяконова, 1976, с. 287]. По мере развития древнего мифа роль божества отводится светлomu небесному оленю, а преследователя-поглотителя – хищному зверю. Сцены нападения (терзания, благостного поедания) становятся изобразительным каноном в скифо-сибирском искусстве. Известно, что пазырыкское население Алтая сцену терзания “восприняло из переднеазиатского источника, о чем свидетельствует сходство стили-



Рис. 12. Зеркало со знаками зодиака. Онгудай. Алтай.

стической трактовки ряда образов с изображениями на изделиях из Амударьинского клада” [Кузьмина, 1979, с. 8]. В Средней Азии сцены терзания, в которых мирных копытных животных атакуют фантастические существа, уже известны по печатам-амулетам Маргианы с поселений II тыс. до н.э. [Сарианиди, 1976, с. 48 – 50, рис. 1, 2]. К этой же эпохе относятся уникальные бронзовые зеркала Бактрии с сюжетными сценами, где главную роль играют змеи и драконы, олицетворяющие собой диаметрально противоположные начала [Сарианиди, 1981, с. 291]. Все эти представления, наверное, восходят к еще более древним земледельческим обрядам. Шумерские жрецы уже 5 тыс. л.н. фиксировали важный для них момент: в ночь перед началом сева на весеннем небосводе последний раз сияют уходящие за горизонт Плеяды (звезда Быка) и Кассиопея (звезда Оленя), а в зените находится созвездие Льва с яркой царской звездой Регул. Это астральное явление, важное для земледельцев, в искусстве шумерийцев иллюстрировалось как победа Льва над Быком и Оленем.

В одном из первых сибирских вариантов этого широко распространенного мифа роль преследователя играет фантастическое существо, имеющее сложный синкретический характер. Его наиболее ранние изображения известны по петроглифам Шишкинских скал на р. Лене [Окладников, 1959, рис. 39], материалами окуневской культуры ранней бронзы [Вадецкая и др., 1980, табл. XXIII, 1], наскальным рисункам и оленним камням Монголии [Новгородова, 1984, рис. 2, 37 – 39]. К эпохе развитой бронзы относятся и изображения фантастических чудовищ-поглотителей в петроглифах Алтая [Кубарев, 1979, рис. 28; 19876, рис. 1].

Свернутое в кольцо тело хищника, кусающего себя за хвост или терзающего жертву, связывается как с верхней зоной космоса, так и с периферической – тождественной нижнему хтоническому миру. По мнению Д.С. Раевского, скифский вариант свернувшегося хищника находит параллели в образе мирового змея Шешы индийской мифологии [1985, с. 119]. Он опора мира, и земля покоится на его свернутом теле. Он осмысливается как символ вечности и всего космоса. Предлагаемое толкование прямо соотносится с декором рассматриваемых зеркал, где птицы, олени, козули, лошади и козлы символизируют средний мир – землю, а фантастические хищники и кабаны связаны с подземным миром. Возможно, и сам круглый диск зеркала с его отчетливыми солярно-астральными сюжетами является символом третьего элемента космоса – неба. Вполне правомерно сравнивать такие зеркала и с известной в азиатской мифологии эмблемой жизни. В ее графическом исполнении отражена сущность двух полярных сил Инь и Янь [Кубарев, 1985, табл. II].

Большое количество зеркал из Минусинской котловины, относящихся к XIII – XVI вв., определенно показывает, что они остаются весьма популярными среди местного населения и в эпоху средневековья [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 29]. Зеркала последующих эпох считаются малохудожественными изделиями, утратившими содержательность и символику декора. Наверное, по этой причине они изучены плохо, а в таких регионах, как Алтай и Тува, практически неизвестны. Поэтому особую ценность приобретают два зеркала, найденные на Алтае. Одно из них, вероятно, относящееся к XVII или XVIII в., обнаружено во впускном погребении кургана Уландрыка. Зеркало представляет собой массивный бронзовый диск (диаметром 13 см, толщиной 0,3 – 0,4 см) с отогнутым вертикальным бортиком. На его оборотной стороне в невысоком рельефе изображены радиально расходящиеся лучи (см. рис. 10, 1). Семантика рисунка предельно лаконична и проста: диск зеркала с лучами символизирует солнце. Другое зеркало-подвеска (диаметр 5,5 см, толщина 0,3 см), находящееся в экспозиции школьного музея с. Онгудай (Республика Алтай), очевидно, может быть отнесено к XVIII – XIX вв. На оборотной стороне его диска барельефное изображение 12 фигур животного календарного цикла (см. рис. 10, 2; 12). Аналогичное зеркало, со знаками зодиака, датируемое XIII – XV вв., известно в коллекции Минусинского музея [Там же, с. 89, рис. 82]. Сходство усиливается и такой общей деталью, как наличие шишки-петли в центре зеркал. Причем на онгудайском зеркале она оформлена в виде головы демона. Эти находки – еще одно доказательство того, что отдельные зеркала продолжали древнюю традицию и использовались в качестве календарей. О бо-

лее широком распространении зеркал с аналогичной иконографической схемой сообщают и этнографические источники. Так, тувинский информатор Б.К. Монгуш рассказал, как “один из знаменитых шаманов поймал *кузунгу ээрен* – шаманское зеркало в виде магического диска, на оборотной стороне которого оказалось двенадцать изображений животных” [Кенин-Лопсан, 1987, с. 57]. *Кузунгу* считалось самым могущественным из шаманских атрибутов и было известно также якутам под названием *кюсэнге* [Алексеев, 1984, с. 146, рис. 3]. Любопытно отметить, что на некоторых *кюсэнге*, как и на их древних прототипах, имеются гравированные рисунки животных. *Кузунгу*, по представлениям тувинцев, было небесного происхождения и считалось “главным помощником шамана при лечении больных, страдающих головной болью или параличом, поскольку источником этих болезней мыслилось небо” [Кенин-Лопсан, 1987, с. 56]. Сами тувинские шаманы утверждали, что достали *кузунгу* с небес. А во многих шаманских песнопениях зеркало выступает как атрибут сверхъестественного происхождения, как первый спутник шамана и грозный враг злых духов. И в других представлениях тувинцев о зеркале отчетливо видны отголоски древних верований. Приведем наиболее яркие из них. Собираясь в путь, шаман всегда брал свое зеркало, заворачивая его в белую ткань и пряча за пазуху. Отдельные шаманы хранили зеркало в специальных маленьких мешочках из войлока и носили его на поясе. После смерти шамана зеркало покойного имел право наследовать его преемник из числа родственников. Но если такового не было, то тогда зеркало уносили на могилу, и оно, согласно шаманской версии, возвращалось на небо [Там же, с. 58].

Приведенные данные, несомненно, выявляют особую роль зеркала, выполнявшего в тувинском шаманстве магико-охранительные функции. При этом оно не только ограждало шамана от действия злых сил, но и осуществляло его связь с небом.

Заключение

В результате изучения и сравнительного анализа имеющейся в нашем распоряжении коллекции алтайских зеркал представляется возможным сделать некоторые выводы.

1. Зеркала, по представлениям древних кочевников, служили магическим атрибутом, фетишем и оберегом от злых сил, а также непременным ритуальным предметом, осуществлявшим медиативную связь умершего с потусторонним миром и обитавшими в нем предками и сородичами. Традиционный похоронный обычай древних кочевников Алтая предписывал снабжать зеркалом или его вотивной моделью не только женщин, но и мужчин, детей.

2. Основная часть “медалевидных” и “дужковых” зеркал Алтая и Центральной Азии – продукт местного производства, о чем свидетельствуют однотипные серии, отлитые в одной форме специально для погребального обряда.

3. В гравюрах на зеркалах выявлены устойчиво повторяющиеся сюжеты, которые находят параллели в скифо-сибирском искусстве и мифологии древних кочевников Евразии.

4. Приведенные данные о зеркалах демонстрируют широкий спектр первобытных представлений о магической силе древнего апотропея. Отдельные поверья и приметы, связанные с зеркалом, сохранились до наших дней у многих сибирских народов.

5. Гравюры на зеркалах, найденных в относительно точно датированных погребальных комплексах древнего населения Алтая, Тувы и Монголии, теперь могут быть использованы для определения времени создания многочисленных азиатских петроглифов.

Таким образом, зеркала кочевников, до сих пор не привлекавшие к себе должного внимания, несут, как выяснилось, богатейшую информацию по идеологическим представлениям древнего населения Центральной Азии.

Список литературы

- Адрианов А.В.** К археологии Западного Алтая // Изв. Имп. Арх. комиссии. – Петроград: [Тип. Гл. упр. уделов], 1916. – Вып. 62. – 94 с.
- Акишев К.А.** Курган Иссык. – М.: Наука, 1978. – 131 с.
- Алексеев Н.Л.** Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – 232 с.
- Артамонов М.И.** Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 120 с.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.** Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – 147 с.
- Варёнов А.В.** Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1985. – С. 163 – 172.
- Варёнов А.В.** Древние художественные бронзы из восточной части Синьцзяна и истоки тибетского звериного стиля // Рериховские чтения 1997 г. – Новосибирск: Сиб. Рерих. об-во, 2000. – С. 445 – 452.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 255 с.
- Вишневская О.А.** Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII – V вв. до н.э. – М.: Наука, 1973. – 160 с.
- Высотская Т.И.** Культы и обряды поздних скифов // СА. – 1976. – № 3. – С. 51 – 73.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. – 1947. – Вып. 18. – С. 9 – 17.

- Грязнов М.П.** История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 256 с. – (МИА; № 48).
- Грязнов М.П.** Аржан. – Л.: Наука, 1980. – 80 с.
- Дьяконова В.П.** Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // Тр. ТКАЭЭ. – 1970. – Вып. 3. – С. 80 – 209.
- Дьяконова В.П.** Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 268 – 291.
- Ермолаева А.С.** Исследования на левом берегу Иртыша в Восточном Казахстане // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 509 – 510.
- Зеймаль Е.В.** Амударьинский клад: Каталог выставки. – Л.: Искусство, 1979. – 96 с.
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – С. 303 – 433.
- Кадырбаев М.К.** Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. – С. 25 – 45.
- Кенин-Лопсан М.Б.** Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. – Новосибирск: Наука, 1987. – 164 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.
- Комиссаров С.А.** О ранних бронзовых зеркалах, найденных на территории Восточного Туркестана // Рериховские чтения 1997 г. – Новосибирск: Сиб. Рерих. об-во, 2000. – С. 453 – 462.
- Корепанов К.И.** О находке зеркала на Селитренном городище // СА. – 1980. – № 1. – С. 283–287.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д.** Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 29 – 53.
- Кубарев В.Д.** Протобуддийские символы в древнеалтайском искусстве // Рериховские чтения 1984 г. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1985. – С. 193 – 199.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987а. – 302 с.
- Кубарев В.Д.** Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987б. – С. 150 – 167.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.
- Кузнецова Т.М.** О терминах для описания зеркал из скифских памятников // СА. – 1987. – № 2. – С. 18 – 30.
- Кузьмина Е.Е.** Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 78 – 82.
- Курочкин Г.Н.** Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 5 – 22.
- Ларичев В.Е.** “Великое Зерцало” // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 270 – 275.
- Левашова В.Н.** Ремесло в древнехакасском государстве // Зап. ХакНИИЯЛИ. – 1947. – Вып. 1. – С. 32 – 59.
- Литвинский Б.А.** Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – М.: Наука, 1978. – 216 с. + 36 табл.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Привозные зеркала Минусинской котловины // Культура народов Востока. – М.: Наука, 1975. – 165 с.
- Максимова Е.К.** Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 210 – 218.
- Мандельштам А.М.** Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 178 – 195.
- Маракуев А.В.** Китайские бронзы из Басандайки // Тр. Том. ун-та. – 1947. – Т. 98. – С. 140 – 189.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 336 с.
- Марсадолов Л.С.** Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1982. – Вып. 47. – С. 30 – 33.
- Мартынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.
- Могильников В.А., Суразаков А.С.** Археологические исследования в долинах рек Боротал и Ала-Гаил // СА. – 1980. – № 2. – С. 180 – 191.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.** Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 280 с.
- Наван Д.** Новые находки “звериного стиля” Монголии // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 118 – 122.
- Неклюдов С.Ю.** Раху // Мифы народов мира. – 2-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 372 – 373.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Окладников А.П.** Шишкинские писаницы. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 210 с.
- Онайко Н.А.** О сахновской пластине // СА. – 1984. – № 3. – С. 18 – 27.
- Полосьмак Н.В.** Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3 // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 57 – 85.
- Раевский Д.С.** Модель мира скифской культуры. – М.: Наука, 1985. – 256 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
- Руденко С.И.** Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 124 с.
- Савинов Д.Г.** О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 48 – 54.
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.
- Сарианиди В.И.** Печати-амулеты мургабского стиля // СА. – 1976. – № 1. – С. 42 – 68.
- Сарианиди В.И.** Зеркала древней Бактрии // СА. – 1981. – № 1. – С. 288 – 293.

- Смирнов К.Ф.** Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
- Смирнов К.Ф.** Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 74 – 89.
- Смирнов К.Ф.** Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа: Б.и., 1977. – С. 3 – 51.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
- Степанова Н.Ф., Кирюшин К.Ю.** Могильник скифского времени Тыткыскень VI // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1989. – С. 64 – 66.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
- Уманский А.П., Шульга П.И.** Два погребения с точными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. – С. 43 – 81.
- Хазанов А.М.** Религиозно-магическое понимание зеркала у сарматов // СЭ. – 1964. – № 3. – С. 89 – 96.
- Эрдэнэбаатар Д.** Хурлийн уеийн шинэ олдворууд (Новые находки бронзового века) // Археологийн Судлал. – 1995. – Т. 15, Fasc. 4. – С. 39 – 52.
- Ягодин В.Н.** Сарматский курган на Устюрте // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 83 – 89.
- Bokîvenko N.A.** Tomb of saka princes discovered in the Sayans, Siberia // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. – Sankt-Petersburg: Institute of history of material culture Russian Academy of sciences, 1994. – P. 48 – 53.
- Kubarev V.D.** Spiegel asiatischer Nomaden als religionsarchäologische Quelle // Eurasia Antiqua. – B.: Verlag Philipp von Zabern – Mainz am Rhein, 1996. – Bd. 2. – S. 319 – 345.
- Novgorodova E.A., Volkov V.V., Korenevskij S.N., Mamonova N.N.** Ulangom: Ein skythenzeitliches Graberfeld in der Mongolei. – Weisbaden: Otto Harrassowitz, 1982. – 173 S. – (Asiatische Forschungen; Bd. 77).

Материал поступил в редколлегию 12.02.02 г.

УДК 903.27

Л.Н. Ермоленко¹, Ж.К. Курманкулов²¹ Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: museum@kemsu.ru² Министерство образования и науки Республики Казахстан,
Республиканское казенное предприятие "Институт археологии имени АХ. Маргулана"
пр. Достык, 44, Алматы, 480100, Республика Казахстан
E-mail: kurmankulov@nursat.kz

СВЯТИЛИЩЕ НА РЕКЕ ЖИНИШКЕ И ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВИДА КЫПЧАКСКИХ ИЗВАЯНИЙ

Введение

Внешний вид распространенного в казахстанских степях сооружения с изваяниями еще в начале прошлого века описал И.А. Кастанье: "Очень часто в верхней части кургана проделывают углубление, напоминающее воронку, в которой иногда находят одну или несколько баб" [1911, с. 10]. Однако исследование подобных сооружений началось лишь с конца 70-х гг. XX в. [Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985]. Сооружения со скрытыми в насыпях изваяниями отнесены Л.Н. Ермоленко к кыпчакским "святилищам", представленным четырьмя основными типами [1991]:

1 – в камере, образованной стенами четырехугольной каменной оградой, вкопано одно или несколько (в один-два ряда) изваяний. Над оградой с изваяниями возведена насыпь; 2 – к сооружению типа 1 с запада примыкает каменный "курган" большего размера; 3 – на поверхности каждого из двух небольших, расположенных по линии север – юг возвышений, прослеживается четырехугольная каменная выкладка. Все сооружение обведено ровиком. Изваяния стоят на поверхности, в выкладках; 4 – одно или несколько (в один ряд) изваяний установлены с восточной стороны каменного "курмана".

В 1990 г. авторами статьи было исследовано сооружение с изваяниями на р. Жинишке (Центральный Казахстан). Святилище было частично перестроено, но по остаткам оригинальной конструкции его можно отнести к сооружениям типа 1. В ненарушенной части святилища найдено раскрашенное

изваяние. Уникальная находка позволяет поставить вопрос о первоначальном виде изваяний кыпчакского облика.

Описание святилища с изваяниями

Сооружение с изваяниями располагалось в 700 – 800 м к юго-западу от сопки Кызыл-тюбе массива Кызыл-Арай (Казахстан, Джезказганская (ныне Карагандинская) обл., Актогайский р-н). Оно было возведено на правом высоком берегу Жинишке, на мысе в месте впадения в реку безымянного притока (рис. 1). На этом же участке находится позднее казахское кладбище.

До раскопок сооружение имело вид задернованного каменного кургана диаметром около 11 м, высотой 0,6 м. Местами камни лежали на поверхности. Западную полу кургана опоясывала гряда камней шириной до 2 м. С северо-востока насыпь ограничивалась углублением шириной до 2 м, глубиной около 0,2 м; по юго-восточному ее краю рос кустарник. В средней части кургана стояло пять изваяний, возвышавшихся над поверхностью насыпи на 0,2 – 0,7 м. К северо-востоку от изваяний в насыпи отмечена выемка глубиной до 0,2 м.

Раскоп площадью 196 м² был ориентирован сторонами по странам света и имел две осевые бровки. Под дерном расчищена разрушенная конструкция из плоских камней неправильной формы. Размеры камней: от 10 × 20 × 5 до 30 × 60 × 10 см (рис. 2)*.

* Полевые чертежи и рисунки изваяний выполнены художницей О.П. Черепановой.